

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

Мандарины моей планеты

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

Сергей Александров
Мандарины моей планеты.
Сборник повестей и рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079367

ISBN 9785449320254

Аннотация

Кто они – свои? И кто тогда – чужие? И кто тогда ты сам? Какова цена творчества и случайных изобретений? И сможем ли мы когда-нибудь научиться летать и вновь поверить – в себя, в своих близких, в сказку?.. Ответы на эти вопросы – да и на другие тоже – читатель найдёт в этом сборнике.

Содержание

МАНДАРИНЫ МОЕЙ ПЛАНЕТЫ	5
1	5
2	9
3	18
4	24
5	29
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мандарины моей планеты

Сборник повестей

и рассказов

Сергей Александров

© Сергей Александров, 2018

ISBN 978-5-4493-2025-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАНДАРИНЫ МОЕЙ ПЛАНЕТЫ

Посвящается сыну Руслану.

1

– Джей! Пошли смотреть, как вылупляются мандарины!

– Ур, меня вторая мама не пускает. Говорит, что снова вся изгваздаюсь в мандариновом соке...

Да, это был убийственный аргумент, и не возразишь даже.

Дело в том, что мандарины начинают вылупляться после двенадцатой Желтой Луны. И собирают их до середины сезона Красной. К тому же собиральщикам надо иметь очень чувствительные, не загрубелые, как у взрослых, подошвы, чтобы вовремя почувствовать их вибрацию и не дёрнуться в сторону. Иначе фонтанирующие брызги сладкого фиолетового сока от стремительно выдирающегося из-под почвы наружу и взорвавшегося у тебя под ногами мандарина окатят посильнее старого корабельного брандспойта – и ты недели две будешь ходить с фиолетовой, мерцающей в бордовых сумерках Красной Луны серебристыми искорками, кожей. И все будут знать, что ты неуклюж и бестолков. И обзывать Фиолетовым Жиком. А всю одежду, придуманную, кстати, из верхнего обработанного слоя мандариновой кожуры, при-

дётся выкидывать, так как после невольной окрасочной процедуры она в течении десяти-пятнадцати минут съёживается до размеров кукольной. Те, кто ходил за мандаринами без запасной одежды или не сумел стырить у родителей облегчённый ремонтный скафандр, зачастую прибегали домой нагишом. В боевой фиолетовой раскраске Жиков.

Меня голым видели всего один раз – когда мне было всего шесть лет...

Вторая мама у Джей совсем ещё девчонка. Подумаешь – всего на семь Осенних Ветров старше меня. И на восемь с половиной – Джей. Но уже важничает всюю! Ещё бы – её Первая мама, бабушка Марго – наследственная Начальница репродукционного корабельного блока, куда входит и Проклятый Генетический Банк.

Сейчас бабушка Марго – Первая Жена дяди Влада, наследственного корабельного Штурмана. Кто такой Штурман, я пока не знаю, хотя и догадываюсь. Навигацию проходят в последнем, пятом классе, а я учусь в третьем.

В моём третьем-бис кроме меня учится ещё 9 мальчишек. Остальные 32 ученика – это девчонки. В третьем-прима ещё хуже – там всего семеро ребят на тридцать пять девчонок. В прошлые Осенние Ветра их было 11. И в их исчезновении в конце сезона Зелёной Луны Старшие женщины из Совета до сих пор винят Ингвара, моего отца...

Репродукцию и Генную биологию мы уже прошли. Ещё в Первый, самый длинный, сезон Трёхлуния. Именно тогда

я и узнал, почему в посёлке населением триста шесть человек всего двадцать восемь мальчишек в возрасте от нуля до шестнадцати лет и пятеро взрослых мужчин... Курс нам рассказывала бабушка Марго. И всем приходилось его внимательно слушать. Всё равно – делать в это время больше и нечего. Ведь, кроме всего прочего, в этот первый календарный сезон, когда над головой висит пирамида из трёх Лун, особенно и не погуляешь. То возникает внезапная сверхионизация воздуха, такая, что потом долго не можешь ни к чему металлическому прикоснуться – искра пробивает, будь здоров! То локальное изменение гравитационного поля – и можно, случайно топнув ногою, взлететь метров на пятьдесят, а там – куда тебя ветер отнесёт; а может так прижать к поверхности, что, захоти позвать кого на помощь – не получится, только челюстные мышцы порвёшь в попытке открыть рот. То световая аберрация, неожиданно возникающая при необъяснимом образовании миниатюрных воздушных линз – тогда можно запросто потерять ориентацию, отойдя от порога дома метра на 3—4. А то просто – очень сильный ветер. Такой, что виднеющуюся в двух милях за посёлком Колонии махину Корабля визуально покачивает из стороны в сторону – и это не смотря на то, что он всегда в это время расчленён канатами толщиной с ногу моего отца, наследственного Безопасника.

И именно с этого сезона начинается отсчёт нового пятисотсуточного периода под названием «Осенние Ветра».

И в грядущие Осенние Ветра мне исполнится уже двенадцать. Вот так вот!

Отец мне недавно сказал, что в пересчёте на древний возрастной цикл мне уже полных шестнадцать лет. Я тогда спросил его – откуда такое непонятное слово «лет». Может, от сокращённого слова «летать»? Отец только пожал плечами и пробурчал, что никто уже и не знает этого. Просто остался такой термин в качестве удобной меры исчисления – вот и всё. Почему это удобной? По-моему, термин «Осенние Ветра» намного более благозвучен, понятен и просто – красив. А «лета»?.. Какая-то в них неправильность и непонятность – и больше ничего...

2

Джей всё же сбежала от своих матерей со мной и ещё тремя девочками-малышками из первого-бис. Набив рюкзаки старой одеждой и пакетами с сетками, мы рванули на дальнюю старую делянку, что в восьми милях от посёлка. Делянка была признана Советом женщин неперспективна, а потому – заброшена ещё три Осенних Ветра назад. Но я чувствовал, что именно на ней в этот раз будут вылупляться мандарины. Иначе зачем это молодым Жикам вот уже пятую Желтую Луну роится над ней. Издалека это роение выглядит небольшой грозовой тучкой грязно-синего цвета. Но грозовые тучи приходят намного позже – в самом конце сезона Красной Луны. И до них еще целых сто с небольшим суток. Я уже давно подозреваю, что взрослые особо не заморачиваются с расчётами – когда будут вылупляться мандарины. И это понятно – у них своих дел хватает. «Основных и важных», – как говорит мой отец перед очередным обходом посёлка и Корабля. А собирание мандаринов – это полностью прерогатива детей... Женщины же обустроивают свои дома, делая из пластика какие-нибудь новые предметы мебели. А старье перерабатывают в корабельном конвекторе – на нашей планете пластикат, даже специально облучённый – как на стены, пол и потолок поселковых домиков, живёт совсем недолго – каких-то два-три сезона Осенних Ветров. А про

более мелкие вещи и говорить нечего.

Пришли на место поздновато – Жёлтая Луна уже прошла зенит. Но до Жёлтых сумерек, когда диск Луны, только лишь наполовину утопившись в горизонт, неспешно начинает ползти на восток, к точке своего восхода, оставалось ещё около десяти часов.

Жики при нашем приближении опустились пониже – они кажутся нам очень любопытными созданиями. К тому же они давно уже поняли – если на делянке появляются дети, то, рано или поздно, кто-то из них обязательно наступит не туда – и тогда сладкая пахучая мандариновая струя, окрасив незадачливого собирателя, даст и Жикам шанс искупаться в ней, не затрачивая на это собственных дополнительных усилий.

Один из Жиков сел мне на правое плечо, и, легонько щекоча моё ухо своими верхними тоненькими лапками с ладошками-присосками, начал извиваться своей нижней частью тельца – будто исполнял какой-то танец, издавая при этом звук, напоминающий гудение работающей портативной лазерной пилы: «Жии-жик-уу, жии-жик-уу...» Буквально через минуту после этого на мне уже сидело штук десять этих синих малюток, и их ритмичное «Жии-жик-уу» невольно заставило и меня начать покачивать бёдрами. Походка сразу же сделалась вихляющее-танцующей. Я на ходу скинул с ног сандалии и оглянулся. Джей была от меня в пяти шагах слева и тоже уже босая. Первоклашки, также облепленные Жика-

ми, не спешили расставаться с обувью и неуклюже загреба-ли сандалиями верхний, переливающийся оттенками серого, слой почвы.

Я уже хотел крикнуть, чтобы они побыстрее разувались, как вдруг под ногами одной из них вспучился оранжевый пузырь с торчащим вверх гибким сиреневым щупом. Этот пузырь от соприкосновения с воздухом, на глазах стано-ваясь тёмно-синим, почти фиолетовым, начал концом сво-его щупика елозить по поверхности. Глупая девчонка за-мерла. Но было уже поздно. Почувствовав своим извиваю-щимся щупом грубую подошву сандалии, вылупляющийся мандарин мгновенно начал раздуваться. И в какой-то мо-мент лопнул. Фонтан фиолетовой, с золотистыми прожилка-ми, жидкости накрыл незадачливую первоклассницу с голо-вой. Жики восторженно зажикали, пронизывая фиолетовые струи, кувыркаясь в них, делая воздушные кульбиты, взмы-вая вверх и вновь ныряя в пахучую жидкость.

Секунд через десять фонтан иссяк, и под ногами ставшей полностью фиолетовой девочки остались лишь тонкие лос-куты мандариновой кожицы – будто большие развёрнутые лепестки гиганской орхидей, почти такой же, как в оранже-рее Корабля, где до сих пор живут растения, прилетевшие с первыми колонистами.

Жики, сидевшие на мне, не принимали участие в этом фи-олетовом веселье. Они только перестали раскачиваться и по-крепче прилипли своими ладошками к моей оголённой шее.

И только лишь после того, как на поверхности остались обрывки лопнувшего мандарина, слетели с меня. Так же поступили и Жики, сидевшие на Джей и на двух других девочках.

Наученные опытом своей окрасившейся подруги, они быстро скинули с ног сандалии. Потом, подойдя к фиолетовой фигуре, сняли с неё рюкзак. Я отвернулся – на голых фиолетовых девчонок я за свою жизнь уже посмотрелся. Пусть переодевают её в чистую одежду без моего участия.

– Ур, а почему никто так и не знает, как Жики летают? – Джей незаметно подошла ко мне. – У них же ни крыльев нет, ни каких-либо двигателей типа реактивных. А они – летают. Вот бы и нам так, а?

Я удивлённо посмотрел на неё. Почему ни первая, ни вторая мамы ей ничего не говорили? Странно. Мне отец уже давно рассказал об этом неприятном деле. Да и в школе на уроке Истории показывали Хронику посёлка всем первоклашкам.

– Понимаешь, ещё первые колонисты попытались узнать ответ на этот вопрос. Они поймали нескольких Жиков, и в медлаборатории Корабля, предварительно обездвигив бедняжек в силовом поле реанимационного автомата, стали препарировать. Через несколько минут после того, как Жики в силовом поле ни с того, ни с чего разом побелели и рассыпались в хлопья, похожие на лепестки цветов, Корабль вдруг начал раскачиваться из стороны в сторону, будто он сухой стебелёк, а не махина в сто тысяч тонн. Потом его несколь-

ко раз трянуло. Вокруг Корабля вспучивалась и дыбилась почва, сильнейшие ветра налетали раз за разом на его корпус. При этом в только что возведённом посёлке в двух милях от Корабля было всё тихо и спокойно... Вам что, в классе разве не показывали видео тех событий?

– Я тогда почти пять дней болела корью – и была на карантине. Перед этим моя вторая мама водила меня на экскурсию на Корабль, к бабушке Марго – и в одном из помещений Генетического Банка я случайно разбила какой-то флакончик, стоящий на столе возле кваркового микроскопа. Хотела просто посмотреть на него, а бабушка Марго вдруг прикрикнула на меня, чтоб я поставила его на место. Вот он и выскользнул из пальцев...

– А-а, то-то я тогда думал – почему это всех детей до шестнадцати лет стали внепланово проверять медсканером. Да и Жики тогда тоже целую неделю не подлетали к посёлку... Э-хе-хе, угораздило ж тебя...

– Меня потому и не пускают никуда одну, без взрослых. И вторая мама Света на меня после того случая до сих пор сердится. Ведь ей крепко влетело от бабушки Марго. Из-за меня влетело...

Пока мы разговаривали, подружки незадачливой первоклашки уже переодели её в новую чистую одежду и, не смотря на случившееся, захотели продолжить собирать мандарины...

В дальнейшем наш поход прошёл без приключений.

Жики минут через пятнадцать снова прилетели к нам, и мы под их жиканье начали, пританцовывая, вновь продвигаться вперёд по полянке.

Почувствовав ступнями вибрацию почвы, я, не прекращая вихлять бёдрами, осторожно присел на корточки и приложил ладони к поверхности. В правую ладонь почти сразу же что-то кольнуло. Ага, это разведывательный щупик мандарина. Погрузив ладонь вибрирующими движениями в почву, я резко сжал упругий щупик у верхушки готового вылупиться мандарина, и сломал его. Будто почувствовав это, Жики на моих плечах прекратили свой танец.

Уже двумя ладонями, отбросив в сторону почерневший обломанный щупик, я разрыл перед собой небольшую ямку и увидел оранжевое пульсирующее тело мандарина. Мандарин был совсем небольшой, примерно с мою голову. Но начало было положено.

Выкопанный мандарин не поменял своей окраски и продолжал мерно пульсировать – будто дышал, и, значит, был совершенно безопасен. Я вытащил из рюкзака носильную сетку и положил в неё свою первую добычу.

Часа за три с половиной я вытащил ещё семь мандаринов. Джей нашла четыре штуки, два из которых были очень большими и тяжелыми – как стереоглобус в отсеке Памяти Корабля. Я положил один из них себе в сетку, а Джей дал поменьше.

Первоклашкам, которые, наверное, впервые в своей жиз-

ни пошли за мандаринами, тоже повезло – на троих они нашли десять штук средних мандаринов. И один очень огромный и перезревший, наполовину отливающий голубизной. Его мы еле выкопали и вытащили на поверхность. Слегка сплюснутый с полюсов шар был почти мне по пояс, и на нём уже явственно проступали полосы, по которым он в ближайшее время развалится на части. Его бы мы всё равно не донесли до посёлка, потому и оставили этого гиганта Жикам в благодарность за помощь.

Как только Жики слетели с наших плеч, дав этим понять, что мандариновая делянка пройдена, мы, отойдя для безопасности ещё шагов на сто от неё, присели отдохнуть и перекусить.

Вдалеке Жики облепили оставленный им подарок. Пусть наслаждаются...

Я вытащил из своей сетки средних размеров мандарин. Девчонки, затаив дыхание, следили за моими действиями.

Положив ладони на оранжевые пульсирующие бока мандарина, я прикрыл глаза. Перед моим внутренним взором стали проноситься различные блюда, которые иногда выдаёт для школы и детсада старый Кулинарный Автомат Корабля. Я сосредоточился на образе двух банок с жареным цыплёнком, миски с картофельным пюре и литровой бутылки с простой водой. Открыл глаза. Мандарин перестал пульсировать. Меридианы на его поверхности резко углубились, и через несколько секунд перед нами уже лежали четыре неравные

дольки распавшегося мандарина. Кожица долек стала почти прозрачной, и сквозь неё просвечивалось то, что было внутри.

Я взял одну из долек и надорвал её. В раскрывшейся и почти сразу же затвердевшей чаше оказались исходящие горячим ароматным паром цыплячьи бёдрышки – совсем такие, какие готовит в сезон Осенних Ветров Кулинарный Корабельный Автомат. В других дольках ожидаемо оказались куриные грудки и картофельное пюре. В последней дольке я проткнул пальцем дырочку – там была холодная и очень вкусная вода...

Мы успели возвратиться в посёлок ещё до заката Желтой Луны.

Мне слегка попало от отца за то, что я без предупреждения взял с собой несмышлёных первоклашек – их мамы раз пять за время нашего отсутствия наведывались к нам домой, и этим очень надоели папе. Но было видно, что он гордится таким удачливым добытчиком, как я.

Мы отнесли собранные мандарины в поселковое Хранилище. Там, в цилиндрической стальной шахте на глубине в пятьдесят метров, за тройными шлюзами, в тёмном и прохладном месте, обустроенном ещё первыми колонистами, они могут храниться чуть ли не до следующего сезона Желтой Луны.

Под самый вечер ко мне на минутку зашла Джей похвастаться своим новым сарафаном – его расщедрившаяся пер-

вая мама Фатима надумала из корки того большого мандарина, что нашла Джей. Второй такой же сарафан Джей уже отнесла фиолетовой первоклашке – чтоб та не очень огорчалась из-за того, что её теперь долго будут дразнить Фиолетовым Жиком...

3

Кто первым додумался пользоваться мандаринами, Хроники колонии умалчивают. Достоверно известно лишь только то, что это произошло где-то 230—250 Осенних Ветров назад – как раз в этот период вышел из строя Кулинарный Корабельный Автомат, служивший до того безотказно трём поколениям колонистов – с самого основания колонии. Но то, что к его восстановлению причастны Жики, известно каждому. По преданию, именно стайка Жиков притащила к Кораблю первый мандарин, из которого ими же и была извлечена крохотная копия Кулинарного Автомата... К тому времени в колонии умерло от голода и обезвоживания – не считая рожениц, Первых мам – уже больше половины её жителей. И неожиданный подарок Жиков буквально спас людей от смерти.

С тех пор мандарины стали «стратегическим продуктом» колонии, как нам постоянно говорят в школе. Колонисты научились сначала находить мандарины, а потом и самостоятельно высаживать их на делянках. Притом, что в самих посадках не было ничего сложного – достаточно было закопать в почву определённого цвета на глубину около полуметра лоскуток предварительно замоченной в воде мандариновой кожуры. Конечно, всё было просто, если забыть про то, что на всей планете нет ни одного озерца, ни одной ре-

чушки или ручья. Даже грозовые тучи в сезон Красной Луны несут в себе лишь мельчайшие сероватые частицы почвы. Но вот именно эта самая сероватая пыль и представляет из себя микроскопические энергетические капсулы, каждая из которых содержит в себе несколько молекул воды. И извлечь эту воду можно только с помощью очень сильного электроразряда...

Из растительности, кроме мандаринов, на моей планете есть ещё и леса – этакие скопища невысоких, в рост среднего человека, шарообразных растений, стоящих на обыкновенном песке. Внутри этих шаров из переплетённых веток, которые выходят из макушек толстеньких коротких стволов, живут Жики. Изредка эти леса кочуют с места на место, смешно подпрыгивая на этих своих толстых стволах, которые сжимаются и разжимаются как пружинки, и старательно обходя мандариновые делянки, почва на которых как раз и состоит полностью из энергетических капсул с водой. Жики во время этих перемещений сидят внутри шаров, крепко присосавшись своими ладошками с присосками к веткам и хором жикают. Тогда на многие мили вокруг слышно их знаменитое «Жии-жик-уу...»

По вполне понятным причинам на такой почве планеты – что на сухом песке, что на мандариновых делянках – привезённые на Корабле семена привычных колонистам растений не прижились – откуда взять такую прорву воды для их полива? Конечно, генераторная станция Корабля могла бы

обеспечить водой посадки, извлекая её из атмосферы, почвы или из тех же энергокапсул – что и делалось, правда – недолго, до открытия мандаринов. И затрачивая на это резервные энергоресурсы накопителей Корабля без перспектив их обновления. Но после того, как Жики принесли колонистам первый мандарин, нужда в этих растениях как-то сама собой отпала – и увидеть их сейчас можно только в гидропонической оранжерее Корабля...

Отец как-то в разговоре с наследственным Пилотом Корабля дядей Стивом, отцом пропавшего Ивана из третьего-прим класса – не подумайте чего, я совершенно случайно услышал часть этой беседы – спросил его о возможности поднять Корабль. Дядя Стив сказал что-то резкое и непонятное на своём родовом языке, а потом ответил, что это возможно только в том случае, если собрать весь слой энергокапсул со всех делянок планеты и загрузить его в реактор. Только так можно зарядить на четверть накопители, которых, может быть, и хватит на работу гравигенераторов для взлёта, и на прыжок к ближайшей звёздной системе. И – всё. И показал пальцем куда-то вверх влево...

Что такое «звёзды» – я теоретически знал.

Когда я только пошёл в первый класс, нас, первоклашек, водили в корабельную рубку. Там, на огромном проекционном экране, нам продемонстрировали Путь Корабля, который состоял из семнадцати прыжков – от далёкой планеты под названием Земля до моей родной планеты. Чёрное про-

странство, в котором оказывался Корабль между прыжками, было усеяно огромным количеством разноцветных блёсток, завитушек и тонких струек – почти таких же красивых и завораживающих, как искорки и разводы на теле искупавшегося в мандариновом соке в сезон Красной Луны. Вот такие искорки и блёстки и зовутся звёздами. А завитушки – галактиками.

На нашем небе ни тех, ни других не видно, так как над нами оно никогда не бывает чёрным или, хотя бы, фиолетовым. Бывает желтым, зелёным, красным. Бывает даже радужным – в Трёхлуние, в новое начало сезона Осенних Ветров. Но тёмным или чёрным – только на противоположной стороне планеты в это самое Трёхлуние. Но в это время не найдёшь ни одного психа, кто согласился бы побывать там...

Папа мне как-то говорил, что система, где мы живём – совершенно невозможная и неправильная. Мало того, что под двухметровым слоем песка и энергокапсул на делянках – сплошной металл на несколько миль вглубь. К тому же – место центрального светила в системе занимает наша планета, совсем малюсенькая по сравнению с тремя Лунами, которые кружат вокруг неё по разным сумасшедшим орбитам. И являются, по сути, очень крохотными звёздами, которые по очереди и освещают постоянно нашу планету.

Я тогда не поверил папе – какие же Луны звёзды? Вон они какие огромные! А звёзды – это такие крохотные сверка-

ющие точки...

В общем, я понял, что отец почему-то не хочет говорить мне правду – и придумывает всякие небылицы. Ну и пусть! Может, часть его работы наследственным Безопасником и заключается в том, чтобы не говорить всей правды...

Я благополучно забыл и об этом разговоре с отцом, и о его беседе с дядей Свенном – меня тогда больше беспокоило возникшее вдруг повышенное внимание к Джей.

После похода за мандаринами, когда я увидел её в новом, чуть просвечивающем, голубом сарафане, мне вдруг стало ясно, что более красивой девчонки в нашем посёлке я не видел. Пусть у неё и маленькая – как у детсадовских малышей – грудь. Всего-то третий размер. У той же Карины из моего класса, которая, по словам отца, уже полсезона «неровно дышит ко мне» и чаще других девчонок, под самыми разными предложениями, приходит к нам, обычные, пятого размера, две молочные железы... А мне всё вспоминалось, как мы с Джей сидели рядом после удачного собирания и хватали из мандариновой миски горячие куриные ножки – и наши пальцы касались друг друга, а моё правое плечо – её левого плеча...

Наверное, я становлюсь взрослым – подумалось тогда мне. А значит, совсем скоро мне нельзя будет ходить на делянки и собирать мандарины. Ведь их сбором могут заниматься только дети. Взрослым мандарины не даются почему-то – они прячут свои разведывательные щупики и ухо-

дят в глубину, до самого металла, если вдруг какой взрослый хоть одной ногой пересечёт еле видимую границу делянки. Да и Жики на взрослых не садятся – только на детей...

Так что надо бы в самое ближайшее время ещё хотя бы пару раз сходить за мандаринами.

И Джей взять с собой...

Утро сезона Красной Луны всегда приходит неожиданно. Ещё вчера вечером по горизонту катился – будто незрелый мандарин – желто-оранжевый шарик Жёлтой Луны, а утром на его месте уже оказался ярко-бордовый, большой, раза в два больше своей предшественницы, шар Красной Луны...

Только я успел открыть окно, как ко мне в комнату влетела синяя молния. Жик! Не может быть! Жики никогда не залетали ещё в наши дома. Даже под открытые навесы они не залетали.

А тут – ко мне в комнату! Ну и дела!

Отца дома не было – как обычно, утром он делает обход всего посёлка, а потом идёт к Кораблю.

Я протянул ладонь к кружащему под потолком Жику – и тот немедленно спланировал на неё. Я поднёс ладонь с сидящим на ней Жиком к своей шее – и он сразу же перебрался на неё и вцепился ладошками в моё плечо. Аккуратно повернув голову, я задержал дыхание и посмотрел на это удивительное чудо природы.

Жик сидел на плече. И не шевелился. И молчал. Не жикал даже. Было такое ощущение, что у меня на плече сидит не живое существо, а слепленная из необлучённого пластика, каким в детсаду дети лепят всякую всячину, мёртвая

фигурка.

Я дотронулся до него указательным пальцем.

Жик слегка вздрогнул – и вдруг обхватил палец всеми своими четырьмя ладошками. Нижняя часть его тельца слегка завибрировала и, изгибаясь, начала постукивать по моему пальцу.

Меня накрыла тёплая волна дружелюбия и участия, почти такая же, какую испытываешь на делянке, танцуя вместе с увесшимися на тебе Жиками.

Я закрыл глаза. Вспыхнувшая в моём сознании картинка была настолько реалистична и ярка, что я невольно открыл глаза, чтоб убедиться – я нахожусь в своей комнате, а не там, где показал мне Жик. Потом снова зажмурился.

Я видел, как три небольших челнока для планетарных перелётов – по форме почти такие же, какой и на нашем Корабле, только больших размеров – опускаются на поверхность планеты в переливчатых шарах давно уже устаревших силовых коконов, прямо на большущий лес Жиков. Пламя их посадочных дюз уже выжгло его центральную часть. Вокруг челноков бушевали огромные смерчи – но они не причиняли пришельцам ни малейшего вреда. Туча Жиков, поднимаясь в воздух, металась между челноками, пронизывая синими молниями силовые коконы, будто тех и не было вовсе. Около обгоревших остовов деревьев лежали белые, шевелящиеся под струями горячего воздуха от двигателей, лепестки. Это были останки погибших Жиков! И их было очень много...

Когда челноки встали на свои опорные ноги, из люка одного из них, наступая на белые лепестки, вышли две человеческие фигурки в сверкающих красными сполохами в свете восходящей Красной Луны скафандрах. Одна из фигур обернулась к люку и махнула рукой. И из чрева челнока вытолкнули – я не поверил своим глазам – четверых пропавших ребят из третьего-прим класса. Иван, Свен, Ромеро и Джамаль. Четвёрка, которая угнала единственный исправный слайдер – им при обходах пользовался отец – прямо из хозпристройки к нашему дому! И из-за этого у отца случились крупные неприятности – его даже Совет женщин хотел лишить звания наследственного Безопасника...

У Ивана всё лицо было в кровоподтёках, а руки и ноги связаны. Ещё бы! Он в школе был главным задирой, хотя и с обострённым чувством справедливости. Иван никогда не дразнил тех, кто попал под мандариновый фонтан. Он защищал детсадовских малышей, когда кто-то из более взрослых ребят или девчонок обижал их или мог отнять игрушку...

У Свена и Джамалья руки тоже были связаны, но пут на ногах и синяков на лицах не было. А Ромеро прихрамывал, и правая рука у него была забинтована от запястья до локтя....

Увиденное ошарашило и потрясло меня.

Я вновь открыл глаза, как бы стараясь огородиться от того, что передал мне Жик.

В комнате было по-прежнему слегка сумеречно, как и при моём пробуждении. За окном уже почти в самом зените полыхал алым цветом диск Красной Луны. Но мне казалось, что это красные языки пламени от горящего шарообразного леса Жиков. И нос всё ещё чувствовал запах горелой древесины и горячего чужого металла...

Жик всё так же крепко обнимал мой палец и дрожал. И я понял – это дрожь страха и боли. Дрожь от потерь и бессилия.

Я осторожно погладил Жика. Дрожь чуть уменьшилась, и он, отлепив от моего пальца свои верхние ручки с ладошками-присосками, почти в точности повторил мой жест, погладив в ответ мне ладонь...

Снаружи под тяжёлыми знакомыми шагами скрипнули пластиковые ступени, и распахнувшуюся дверь загородила огромная фигура в скафандре высшей защиты, который, насколько я знаю, отец надевает только раз в неделю, во время Генерального обхода. В обычные ежедневные обходы он пользовался ремонтным.

Из переговорного устройства послышался тревожный голос отца:

– Ургас! Срочно влезай в ремонтный скафандр – и давай за мной! Жика спрячь внутрь – он, я думаю, против не будет... – и он повернулся ко мне спиной, как бы ограждая и охраняя меня от того, что могло быть снаружи.

Только сейчас я заметил слегка оплавленную и оттого по-

черневшую пластину правого плечевого сустава. В левой руке отец держал портативную лазерную пилу.

Я кинулся в кладовую и вытащил из аварийного чехла свёрнутый в маленький кубик ремонтный скафандр. Ткнув в пульт управления защитой, я активировал её на максимум. Потом расправил его и влез внутрь. Голосом включил работу всех систем жизнеобеспечения – и скафандр тотчас облепил всего меня своей мембраной, а вокруг головы вздулся защитный плёночный пузырь, в котором тотчас появился мой Жик, беспрепятственно пролетевший сквозь плёнку. Схватившись ладошками за нагубник подачи питания, он замер, глядя прямо мне в глаза своими огромными, в полголовы, треугольными глазищами...

Снаружи никого не было.

Сиреневыми отблесками на фоне красного неба полыхало несколько поселковых домиков и крыша здания школы. И, кроме потрескивания горевшего желтовато-синим, без дыма, пластика, не было больше никаких звуков.

– Все уже в Хранилище, кроме Стива. Он на Корабле – пытается реанимировать хотя бы один челнок, – на ходу объяснил отец, и показал рукой на видневшуюся вдали громадную тушу Корабля. Вокруг него, как Жики вокруг взрослого человека, сновали несколько точек, из которых периодически к Кораблю протягивались ярко-белые росчерки разрядов.

Челноки на Корабле были давно уже законсервированы за ненадобностью. Первые колонисты облазили на них каждую квадратную милю планеты, но, кроме сотни шарообразных лесов на серовато-коричневой, с более светлыми пятнами делянок, поверхности, ничего примечательного не нашли...

Внезапно одна из летающих вокруг Корабля точек устремилась в нашу сторону.

– Быстро к мандариновой делянке, – скомандовал отец, и огромными прыжками помчался в сторону от посёлка. Я голосом включил работу экзоскелета скафандра на полную

мощность. Но догнал отца только у самой границы делянки – оно было обозначено ещё не успевшим выветриться золотисто-чёрным, с мерцающими синими и жёлтыми искорками в свете Красной Луны, пятном от взорвавшегося под ногами незадачливой первоклашки мандарина.

Вдруг поверхность между нами взрыл росчерк голубоватого разряда. Взметнулись вверх струйки пара от лопнувших энергокапсул. Мы обернулись.

Метрах в сорока над нами завис догнавший нас челнок, окутанный колеблющейся плёнкой силового поля. Ещё одна молния сорвалась с его носовой части и ударила в скафандр отца. Отец чуть пошатнулся.

– Ургас! Сможешь найти перезревший мандарин? Только быстро! А я пока поиграю в догонялки с этим уродом, – донеслось из переговорника. – Как будешь готов – скажи об этом своему Жику. Мне кажется – он знает, что надо делать.

И отец, ловко отпрыгнув от очередного разряда в сторону, побежал вглубь делянки, а потом, через десяток шагов, вдруг включил спинные импульсники и взлетел вверх.

Явно не ожидавший такого манёвра, челнок на несколько мгновений застыл огромной переливающейся радужной каплей.

Тем временем в левой руке отца вспыхнуло ослепительное трёхметровое жало лазерной пилы, включённой на полную мощность. Прогнув силовое поле челнока в месте со-

прикосновения, сверхконцентрированный поток фотонов врезался в его корпус. Мгновенно силовой пузырь, замкнувшись на металл корпуса, распался миллиардами брызг.

Челнок вильнул в сторону и развернулся. Хвостовое аэродинамическое оперение ударило по маленькой фигурке в скафандре с гаснущим от перегрузки лазерным лучом. Фигурка, кувыркнувшись несколько раз в воздухе, с отключившимися импульсниками упала метрах в двухстах от делянки.

Всё это я видел краем глаза.

Совершенно не заботясь о том, что могу наступить на щупики вылупляющихся мандаринов, я бежал к тому месту, где был найден большой перезревший мандарин, который мы оставили Жикам.

Внезапно Жик, о котором я успел забыть, слетел с загубника и прилепился ладошками к моему вспотевшему от беготни лбу. Интуитивно я зажмурился. Почти мгновенно в сознании нарисовалась картинка делянки, которую можно увидеть с высоты восьми-десяти метров. Растопыренным блестящим движущимся пятном был обозначен мой ремонтный скафандр. А на самом краю делянки лежала слабо пульсирующая чёрная грудка. Скафандр отца...

Потом «поле зрения» как бы сфокусировалось в ответ на моё стремление – и я увидел буквально в нескольких метрах от блестящей метки, обозначающей меня, мерцающую окружность. Диаметр этой окружности был раза в три больше моей метки. «Перезревший мандарин?». Мой

внутренний вопрос подтвердился картинкой выбрасываемой из окружности струи.

Я открыл глаза.

Лишённый защиты челнок, снизившись до пяти метров, в облаке поднявшейся от его полёта сероватой пыли, приближался ко мне. Жик под шлёмом, вновь вцепившись в загубник, вдруг зажикал. И я уверенно в пару прыжков оказался точно в центре той окружности, которую мой маленький друг мне показал. В это же время челнок, развернувшись, нацелил на меня свой нос. На нём начала набухать ослепительно-белая капля.

Дальнейшее произошло без моего участия.

Жик, непонятно как продравшись вновь сквозь мембрану шлёма, бесстрашно полетел навстречу громаде челнока. В наушниках раздалось громовое «Жиик-уу!» – будто сразу сотня Жиков прокричало свой боевой клич! Почти сразу же после этого грозного вопля, которые мало кто слышал в своей жизни, Жик прямо в полёте распался на маленькие, светящиеся голубым, хлопья. И в облако этих хлопьев – как по наводке, ударила невиданная доселе, наверное, никем из наших, мощнейшая струя почти что чёрной жижи из мгновенно вылупившегося, прямо-таки выпрыгнувшего из почвы, большего, метра три в диаметре, сильно сплюснутого у полюсов, бордово-коричневого мандарина. В момент вылупления я не удержался на ногах и скатился с его макушки по гладкому пульсирующему боку вниз. Струя же, каким-то чудом

не задев меня, коснулась челнока – и мгновением позже, будто живая, обволокла весь кораблик. И он с пятиметровой высоты рухнул на делянку.

Чёрный жгут из лопнувшего мандарина, ставший как бы одним целым с вздувшимся на его конце оплывшим силуэтом челнока, вдруг стал извиваться и ритмично дёргаться. Эта пульсация передалась тому чёрному образованию, что было ещё несколько секунд назад всеильным аэрокосмическим челноком – и это огромный, метров в двадцать в длину и около семи в высоту, облитый беспросветной чернотой шедевр людской техники вдруг стал растекаться грязной пузырящейся лужей. Через минуту от челнока осталось только тёмное, слегка выпуклое, пятно на поверхности делянки. Жгут от мандарина сам собой истончился и исчез. А на месте самого гигантского мандарина в ошмётках таявших лоскутков его кожуры стояло с десяток каких-то маленьких колышков. Я подошёл поближе и нагнулся. Это были не колышки. Это были крохотные шарообразные деревца. И в шаре каждого из них сидел малюсенький, раз в пять меньше обычного, Жик...

У меня на глаза навернулись слёзы. Мой маленький друг бесстрашно пожертвовал собою, чтобы спасти нас...

Подошёл, кряхтя и хромая, отец. Его скафандр наполовину потёк, и он не мог самостоятельно выбраться из него. Но голос у него был весёлый.

– Ну, как мы втроем сработали, а? Здорово уделали эту

тварь! – он еле кивнул головой на плоскую чёрную кляксу метрах в пятнадцати от нас. – Помоги-ка мне избавиться от этого саркофага.

Отрегулировав лазерную пилу, я осторожно спилил со спины скафандра оплавленные импульсники. Потом, зачистив концы командных кабелей, замкнул их все разом на батарейный блок пилы. По скафандру пошли неровные трещины – и он распался на несколько частей – почти так же, как и мандарин.

Отец, чуть охая и морщась от боли, выбрался из обломков. – Пошли воевать дальше, Ур, пока они не опомнились. Только помоги мне немного доковылять до нашей пристройки. У меня там, кроме угнанного слайдера, ещё кое-что было припасено. Да, на вот, вытри слёзы – он вытащил из нагрудного кармана платок и протянул мне. – Кто знает, кого мы ещё потеряем. Так что, держись, сынок...

6

Вспоминая через столько Осенних Ветров о тех событиях, я до сих пор не могу ответить на вопрос: как мы, наша колония, прожив такой срок на своей планете, совсем ничего не знали о ней, об окружающем мире. Даже если в этом мире кроме шарообразных деревьев, летающих непонятных существ, песка, энергокапсул и железного нутра больше ничего нет... Может быть, мы просто не хотели знать? Или нам не давали этого захотеть – по каким-то причинам?..

Прежде чем рассказывать про дальнейшие события, хочу вначале кое что пояснить.

Во-первых – про ненормальное соотношение числа мужчин и женщин у поселенцев.

После того, как Корабль вынужденно (или его вынудили? – и я сейчас всё больше убеждаюсь в этом) сел на нашу планету, выяснилось, что взлететь он физически уже не сможет. Причина крылась в непонятной, но постоянной утечке из энергонакопителей гравиполя. Кроме основного прыжкового двигателя они питали ещё и гравигенераторы, позволявшие Кораблю беспрепятственно и безопасно садиться и взлетать практически с любой поверхности любой планеты. Но только не с нашей. Если на прыжковые двигатели энергия подавалась исправно, то, стоило только переключить её поток на гравигенератор, как она практически мгновенно

венно исчезала из накопителей. Две-три секунды – и они были пусты. Причём причину утечки, как не искали – не нашли. А прыгать с поверхности планеты – самоубийство.

Самое интересное, что на маленькие гравигенераторы, которые были установлены на десятке слайдеров, это «правило утечки» не распространялось – они заряжались быстро и качественно. Но для того, чтобы оторвать Корабль от поверхности, требовалось не менее двух тысяч таких генераторов, а, может, и больше. Через три сезона Осенних Ветров после посадки бесплодные попытки поднять Корабль были брошены, и колонисты основали в двух милях от него Посёлок. Понаделали из синтезируемого строительный пластикат конвектора домики, детсад, школу и здание администрации. Обустроили внутренности мебелью. И решили полностью их заселить.

Вот тут-то и всплыла неожиданная заковыка. Зловещая и очень критическая для существования посёлка. Девушки из состава колонистов, до того не жившие половой жизнью, вдруг начали рожать. Одна за другой. И рожать – девочек. По научному (это нам на одном из уроков бабушка Марго говорила) такой процесс – оплодотворение без участия мужских половых клеток – называется партеногенезом. В общем – типа «непорочного зачатия» – этот термин я узнал из Древнейшей истории планеты, с которой когда-то улетел наш Корабль... Те же из женщин, кто был чьей-то женой, или – просто имел хотя бы единичный половой контакт

с женщиной, вдруг оказались совершенно бесплодны. Почти все. Только одна из 10—12 женщин беременела. В итоге – родился мальчик. При этом во время родов у роженицы по непонятным причинам останавливалось сердце, и она умирала, несмотря на все усилия реанимационного робота.

Когда умерла двадцать третья роженица – обратились к Корабельному Генетическому Банку. Чтобы выращивать мальчиков в «пробирках». И тут выяснилось, что каким-то образом часть ГеноБанка, а именно – та, в которой находился человеческий, а так же некоторых домашних животных, геноматериал в виде зародышей, подверглась ещё во время прыжков воздействию неизвестного излучения – и полностью стерелизовалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.